

Ступникова Наталия Николаевна

ИСТОРИОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВА КРОВНОЙ МСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются этапы в развитии древнерусского уголовного права в связи со становлением государства и его аппарата. Исследуется и дается оценка явлению кровной мести как основного регулятора общественных отношений в древнейший период. Приведена характеристика особенностей складывания уголовной юрисдикции, особой роли частных лиц в уголовном преследовании и композиционности методов уголовно-правового регулирования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 183-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

буржуазия, а представители крестьянства, мелкое чиновничество, конторские служащие, мещане, часть интеллигенции, отдельные представители рабочего класса. Так что мнение Авреха в свете всего сказанного не представляется убедительным.

Думается, что все же ближе к истине позиция А. Д. Степанова, так как именно он обращает внимание на важность предварительных консультаций по созыву в перспективе единого монархического съезда. Другое дело, что разногласия в стане правых и последующие события, связанные с революцией, помешали воплотить эти планы в жизнь.

Список литературы

1. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. 256 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 23.
3. Правые партии. 1905-1917 / под ред. Ю. И. Кирьянова. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 2. 816 с.
4. Степанов А. Д. Нижегородское совещание // Святая Русь: большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М.: Институт русской цивилизации, 2003. 928 с.
5. Степанов С. А. Черносотенные союзы и организации // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.
6. Труды Всероссийского Монархического Совещания в г. Н. Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. 69 с.

**NIZHNII NOVGOROD MONARCHISTS MEETING (1915)
AND RUSSIAN RIGHT-WINGERS CONSOLIDATION PROBLEM**

Dmitrii Igorevich Stogov, Ph. D. in History
*Department of Culture History, State and Law
St. Petersburg State Electro-Technical University
bel-grigorij@yandex.ru*

The article tackles the circumstances connected with the organization of Nizhnii Novgorod monarchists meeting and its holding and analyzes the meeting's decisions. The problem connected with the attempt to solve the question about Russian right-wingers' consolidation at the meeting is also considered.

Key words and phrases: right-monarchic organizations; Black-Hundreders; Petrograd meeting; Nizhnii Novgorod meeting; All-Russia Dubrovin's Russian People Union; Russian People Union ("renovationist").

УДК 343.2

В статье рассматриваются этапы в развитии древнерусского уголовного права в связи со становлением государства и его аппарата. Исследуется и дается оценка явлению кровной мести как основного регулятора общественных отношений в древнейший период. Приведена характеристика особенностей складывания уголовной юрисдикции, особой роли частных лиц в уголовном преследовании и композиционности методов уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова и фразы: уголовное право; кровная месть; система выкупов; договоры русских князей с греками; Русская Правда.

Наталья Николаевна Ступникова

*Кафедра теории и истории государства и права
Воронежский государственный университет
angelb2002@gmail.com*

**ИСТОРИОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВА КРОВНОЙ МЕСТИ
В ДРЕВНЕРУССКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ[©]**

Дореволюционная наука в истории уголовного права выделяла два самостоятельных этапа [1, с. 14]:

1) **период частных наказаний**, при котором преследование преступления и наложение наказания находится главным образом в руках частных лиц - потерпевшего и его родичей, а в основании уголовной юстиции на первом плане лежит узкий родовой интерес;

2) **период публичных наказаний**, в котором деятельность по пресечению преступлений и преследованию и наказанию лиц, его совершивших, является самостоятельной функцией специализированных органов общественной централизованной власти, действующей в общих интересах.

Временные рамки указанных этапов определяются индивидуально для каждого отдельно взятого народа и связаны с образованием государства, поскольку именно с этим событием становится возможным переход от первого периода ко второму.

Характеристика периода частных наказаний может быть представлена следующим образом. Материальным закреплением этого этапа является право кровной мести, а процессуальным - самосуд - явление, при котором привлечение к ответственности лица, совершившего противоправное деяние, являлось прерогативой потерпевшего или его родственников, часто возводимой в ранг обязанности, возлагаемой на членов рода [11, с. 140].

Кровнородственные отношения являются старейшими связями, а первая форма организации общества - родовая община, в этой связи тот факт, что именно кровная месть становится первым средством привлечения к ответственности лица, преступившего нормы обычаев, не вызывает никаких сомнений. Как справедливо замечал Л. С. Белогриц-Котляревский, кровная месть представляет собой «право зачаточного периода исторической жизни народов, произведение первобытного человека, запечатленное примитивными чертами своего творца» [1, с. 14].

Отсутствие властных структур и механизмов, способных оперативно реагировать на случаи посягательства на интересы отдельных членов общины, провоцирует их личную активность - так возникает месть. Не стоит, однако, полагать, что явление это было стихийным и бесконтрольным. Оно существовало в системе патриархального суда, являясь фактически его завершением, когда вынесенное родовладыкой решение претворялось в жизнь руками частных мстителей, наделенных общиной полномочиями по восстановлению нарушенных прав.

Так, анализируя сведения исторических источников, Д. Я. Самоквасов отмечал, что месть являлась не произволом родственников, а исполнением закона и судебного решения, суд общины предшествовал возникновению такого права, а решение суда ограничивало его размер. Лицо, «обиженное правонарушением», являлось не только инициатором процесса, но и исполнителем судебного решения [11, с. 139].

«Обвинительный приговор передавал осужденного «головой» в распоряжение потерпевшей от правонарушения стороны до тех пор, пока он не исполнял обязательства, вытекавшего из судебного приговора. Если же обвиняемый и обвиненный (осужденный - *Н. С.*) скрывался от суда и исполнения судебного приговора, то сторона, потерпевшая правонарушение, получала право на жизнь беглеца за невозможностью другим способом восстановить нарушенное право». Д. Я. Самоквасов считал, что ст. 1 Краткой Правды устанавливала обязанность для родственников убитого наказать убийцу смертью. При таком подходе к сущности права кровной мести автор сделал вывод, что «частный мститель только исполнял решение суда», вершимого общиной на вече [Там же, с. 133, 140-142].

Отсутствие достаточного количества нормативного материала действительно делает затруднительным ответ на вопрос о регулировании какими-либо социальными нормами кровной мести и процедуры самосуда. Анализ положений дошедших до нас первых правовых памятников (например, Договор русских с греками 911 года, содержащий упоминание о «Законе Русском» [3, с. 55-57; 6, с. 13; 7, с. 6; 9, с. 227; 12, с. 6; 14, с. 127] в статьях, устанавливающих месть [11, с. 10]) наталкивает на мысль о существовании на Руси отдельных норм, посвященных кровной мести. Однако понять, какую форму имели такие нормы - письменную или устную, вытекали ли они из закона или обычая - из текста указанного договора не представляется возможным.

Но тот факт, что получив широкое распространение, право кровной мести обрело и законодательное закрепление в первых памятниках права, не вызывает никаких сомнений [8, с. 17-18]. Так, например, в Древнерусском праве месть установлена в Договорах русских с греками, а также в Русской Правде [10, с. 47-49]: «Убить муж(ь) мужа, то мстить...» (ст. 1).

Что же происходит с правом кровной мести с развитием общества и образованием государства и присущих ему властных механизмов?

Именно с этого времени начинается переход от периода частных наказаний к периоду наказаний публичных. Безусловно, процесс этот не является скачкообразным, и протекает довольно длительный промежуток времени, требующийся для проникновения властно-распорядительных и охранительных функций государственного аппарата в сферы общественной жизни, причем проникновение это протекает не везде одинаковыми темпами. До определенного этапа своего развития государственный аппарат оказывается не в состоянии полностью исключить участие частных лиц в уголовном преследовании и обеспечить надлежащее пресечение преступлений и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. Регулирование вопроса об ответственности, ее мерах и видах дается не сразу. Время, характеризующееся сохранением роли частного обвинителя наряду со становлением и развитием государственного аппарата принуждения, в дореволюционной литературе определялось как **период композиции**.

Период композиций в русском уголовном и уголовно-процессуальном праве и его временные рамки можно охарактеризовать следующим образом.

В конце IX-X вв. древнерусское общество представляло собой совокупность общин, объединенных кровнородственными связями. Между тем перечисление в Русской Правде лиц, не принадлежавших к общине - княжеских дружинников и слуг, изгоев, находившихся под защитой государства, указывает на формирование территориальных основ общины.

Состояние права в означенный период времени определялось наличием традиционных элементов - норм обычаев, с одной стороны, и появлением писаного права, нормы которого зачастую им противоречили и устанавливали иное, нежели прежде регулирование общественных отношений - с другой.

Представление об уголовной ответственности развивается и расширяется за счет включения в нее новых элементов - объектов публичной защиты, увеличивается количество составов преступлений, происходит их дифференциация.

Разновидность мер ответственности в означенный период еще определяется самим характером преступного деяния по принципу «око за око», однако существует уже и определенная система денежных штрафов,

взыскиваемых в ряде предписанных законом случаев в пользу потерпевшего или его близких родственников, понятие компенсации вреда, причиненного потерпевшему.

Весомая роль в уголовной юстиции еще принадлежит праву кровной мести, однако процесс генезиса государства уже сильнейшим образом вмешивается в судьбу самосуда - с появлением государственных органов происходит выделение судебной функции в качестве одного из основных полномочий властного аппарата. Если в догосударственный период существование мести объясняется отсутствием специализированного аппарата, функционирование которого направлено на привлечение к уголовной ответственности, то на данной стадии это право существует ввиду неразвитости государственных структур, развитие которых со временем вытесняет деятельность частных мстителей.

Сказанное выше позволяет выделить процессы, характеризующие период композиции в уголовном праве:

- 1) появление публичных элементов уголовной ответственности - государство как субъект права и объект защиты;
- 2) постепенный переход от защиты частных интересов к охранению интересов публичных;
- 3) искоренение права кровной мести и складывание компенсационной системы наказаний - выкупов и денежных выплат;
- 4) в уголовном процессе - вытеснение самосуда системой уголовной юстиции.

Кровная месть или самосуд - первый обособленный вид суда, который выделился из синкретических органов управления родовой общины.

Складывание государственного аппарата и его механизмов неизменно приводит к тому, что упразднение мести и самосуда становится первоочередной целью [15, с. 479-480], достижение которой обязательно для урегулирования общества путем использования права как системы установленных правил поведения и нормального функционирования аппарата государственного принуждения.

Распад родовой общины и ее замещение территориальной, объединение смежных родов и появление высшей общей власти в виде круга лиц, занятых осуществлением управления, - эти процессы не только вызывают к жизни государственную модель, но и делают необходимым ограничение мести [1, с. 16-18]. И основным орудием государственной машины здесь становится законодательство.

Нормативное ограничение самосуда в Древней Руси осуществлялось последовательным принятием ряда нормативных актов.

Договор Олега с греками 911 года [11, с. 9-11] допускал месть за убийство: *«Убьет ли Русин Христианина (т.е. грека - Н. С.), или Христианин Русина, да умрет там же, где учинит убийство»*, однако установил и ряд ограничений.

Во-первых, ст. 3 Договора 911 г. ограничивала месть, если лицо, чья вина в совершении преступления доказана на суде, сбежало от наказания, при этом у виновного имелось имущество, на которое могло быть обращено взыскание для удовлетворения родственников убитого: *«аще ли убежит сотворивый убийство, да возьмут имение его ближние убиенного»*. В таком случае получение компенсации за счет имущества преступника исключало право кровной мести у родственников убитого.

Во-вторых, ст. 4 Договора 911 г. установила размер ответственности в случае причинения побоев и личных оскорблений - 5 литр серебра, отменив тем самым месть по данной категории преступлений (положения данной статьи дублируются ст. 14 Договора Игоря).

В-третьих, ст. 5 Договора 911 г. ввела прямой запрет на убийство вора, застигнутого на месте преступления: *«Если же пойманный вор отдается в руки обокраденному без сопротивления, то должен быть связан и возвращает похищенное в тройной его цене»*, исключив тем самым право собственника имущества расправиться с преступником по своему усмотрению. В противном случае лицо несло ответственность за убийство. Установлены были и основания для освобождения от ответственности - в случае если вор был вооружен и оказывал сопротивление.

Таким образом, самосуд над вором был заменен необходимой обороной преступнику.

Статья 5 Договора 911 г. установила также ограничение самоуправных действий собственника при розыске похищенного имущества, указав: *«Ежели по подозрению в воровстве кто будет делать самоуправно обыск в чужом доме с притеснением и явным насилием, или возьмет под видом законного обыска что либо у другого, то по русскому закону должен возвратит в трое против взятого»*. Таким образом, лицо, у которого производился обыск, защищалось от возможных притеснений и неправомерных действий со стороны собственника, а также устанавливались гарантии неприкосновенности его имущества путем определения мер ответственности за хищение вещи при обыске.

Договор Игоря с греками 945 г. [Там же, с. 12-16] в дополнение к вышесказанному установил следующее.

Статья 13 исключила возможность родственникам убитого вершить самосуд на месте преступления, установив обязанность задерживать преступника и держать его до суда: *«Держим будет сотворивый убийство от ближних убиенного, да убьют его»*.

Как полагал М. Ф. Владимировский-Буданов, такое различие между положениями Договоров Олега и Игоря в отношении мести стало возможно ввиду того, что в момент заключения договора Олег как победитель мог диктовать Византии свои условия, а потому греки «стремились примирить свои понятия о смертной казни за убийство с русским обычаем мести так, чтобы для руссов сохранилась полная возможность применения мести». Именно поэтому договором Олега предусматривается «досудебная месть, требующая, однако, последующего оправдания судом». При Игоре расклад сил изменился, и греки, будучи победителями, поспешили «ограничить произвол руссов, именно потребовали, чтобы месть совершаема была родственниками убитого после суда» [2, с. 318].

Кроме того, выкуп, уплачиваемый родственникам потерпевшего, дополнился вирой, взыскиваемой в пользу князя. Кроме того, появилась возможность для виновного договориться с родственниками потерпевшего -

фактически выкупить свою вину, а уплата указанных платежей освобождала его от необходимости скрываться бегством.

Появление такого рода платежей свидетельствует о том, что на первый план в уголовной юстиции выдвигается защита государственных, а не частных интересов, а преследование преступников становится специализированной деятельностью аппарата государственного принуждения. Хотя следует признать, что в означенный период указанные процессы находились на стадии зарождения.

Русская Правда в статье 1 определила круг родственников потерпевшего, которые имели право отмщения: «Убьеть муж(ь) мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братучаду, либо сестрину сынови».

При этом она установила, что если такие родственники отсутствовали и мстить соответственно было некому - «оже не будет кто мстя» - то виновный обязан был уплатить соответствующий штраф - виру (ст. 1). Вира взыскивалась и за убийство русина, гридина, купчины, ябетника, мечника, изгоя и словенина. Большинство из указанных терминов обозначали лиц, образовывавших княжеский аппарат. По всей видимости, положения о кровной мести в отношении перечисленных лиц не действовали, так как фактически они, как и изгои, не состояли в какой-либо общине и находились под исключительной княжеской юрисдикцией.

Отмена кровной мести произошла в 1072 году на княжеском съезде при сыновьях Ярослава Мудрого, полностью заменивших самосуд денежным выкупом. Это событие отражено в статье 2 Русской Правды Пространной редакции: «По Ярославе же паки совкупившеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячъко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати».

Так памятники русского права изображают состояние кровной мести на протяжении X-XI вв. И хотя наверняка в народном сознании обычай мести сохранился много дольше, учитывая положения статей 19-27, которые фактически не считаются с обычаем мстить в ряде случаев, а также статьи 2 Пространной Правды, можно полагать, что к XI столетию четко обозначилась княжеская политика, направленная на искоренение самосуда, что и нашло свое отражение в законодательстве.

Такое положение весьма соответствовало требованиям общественного развития. Месть, как при родовом строе, так и в период становления государственности призвана была защищать интересы частного лица, потерпевшего от какого-либо противоправного деяния, поскольку иные средства восстановления нарушенного права либо отсутствовали, либо не были достаточно выработаны. Однако на определенной стадии их развития дальнейшее существование мести становится препятствием, ограничивающим складывание пресекающей деятельности специализированных органов в самостоятельную функцию государственного аппарата. Именно поэтому ограничение самосуда становится закономерным, а на смену удовлетворения потерпевшего местью приходит система компенсационных выплат.

Рассматривая вопрос о происхождении выкупов, Л. С. Белогриц-Котляревский отмечал: «Начало их (выкупов - Н. С.) одни выводят из тех случаев, когда обиженный отказывался от мщения по особенностям характера или случая, например, при полном раскаянии виновного он, взамен мести, иногда предпочитал взять в виде эквивалента деньги. Другие происхождения выкупов приписывают случаям бегства преступника, когда родственники потерпевшего, лишённые возможности личного отмщения, ограничивались захватом, разграблением имущества виновника, откуда постепенно развилась система выкупов, уплачиваемых при участии членов рода преступника. Можно думать, что оба эти обстоятельства играли совместную роль...» [1, с. 17].

Действительно, впервые мы встречаем компенсацию за убийство в Договоре Олега (ст. 3) - в случае бегства преступника имущество его передавалось родственникам потерпевшего, а уже в Договоре Игоря данная плата носит именно характер выкупа, когда виновный уплачивал родственникам убитого определенную денежную сумму, то есть фактически выкупал свою вину. Аналогичным образом обстояло дело и с причинением телесных повреждений. Уже в договоре Олега имелись указания, что за удар мечом виновный обязан был уплатить 5 или 10 литр серебра, причем статьи, устанавливавшие ответственность за удары, содержали ссылки на Закон Русский. На этом основании можно предположить, что обыкновение выкупать свою вину на Руси существовало уже в начале X века [4, с. 23-24].

Рассматривая выкуп в качестве замены мести, можно предположить, что он шел в пользу мстителя - лица, которое имело право мстить. На основании такого подхода В. И. Сергеевич объяснял, почему с развитием публичных начал выкуп стал уплачиваться в счет князя и государственных органов - «представители власти должны быть также примирены с преступником», а также сделал предположение, что сумма выкупа совпадала с размерами виры, взыскивавшейся с преступника в пользу князя, на том основании, что платеж в пользу князя образовался наподобие частного платежа [13, с. 232-235].

Следует отметить, что памятники русского права не всегда дают нам представления о том, в каком именно размере выплачивался выкуп, например, по делам об убийстве. Н. Иванишев полагал, что сумма его указывалась родственниками потерпевшего. Причем существовали два порядка определения размера платежа: досудебный, представлявший собой мировое соглашение между родственниками убитого и преступником, и судебный, применявшийся при недостижении соглашения. В последнем случае истец подавал жалобу о душегубстве и обозначал цену иска, именуемую «истцово» [5, с. 98-99].

В пользу данной версии говорит тот факт, что в Договорах с греками размер головничества не определен, и, вероятно, на тот момент уже существовали правила его определения, возможно, связанные с обычаями, существовавшими в рамках конкретной общины. Однако, бесспорно, законодателем предпринимались попытки установить размер выкупов по отдельным категориям дел.

Система выкупов отразила переходный период в уголовном праве, связанный с изменением характера ответственности (от частного к публичному) и вступлением государства в деятельность по пресечению преступлений и привлечению виновных лиц к ответственности. Именно поэтому существование ее мы рассматриваем в качестве элемента периода композиций. Заместительный характер выкупов с развитием общества сделал их прообразом компенсации потерпевшему вреда, причиненного преступлением.

Список литературы

1. **Белогриц-Котляревский Л. С.** Особые виды воровства - кражи по русскому праву. Киев: Унив. тип. В. И. Завадского, 1883. 221 с.
2. **Владимирский-Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. К.: Изд-е книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1905. 696 с.
3. **Георгиевский Э. В.** К вопросу о Законе Русском и его уголовно-материальных установлениях // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4.
4. **Депп Ф.** О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича. М.: Тип. К. Крайн, 1849. 96 с.
5. **Иванишев Н.** О плате за убийство в Древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою виурою. Киев: Унив. тип., 1840. 112 с.
6. **Исаев И. А.** История государства и права России. М.: Юрист, 2005. 797 с.
7. **Малиновский И. А.** Сборник памятников древнего русского права. Ростов-на-Дону: Акц. печ., 1917. 247 с.
8. **Пахман С.** О судебных доказательствах по древнему русскому праву в историческом их развитии. М.: Унив. тип., 1851. 212 с.
9. **Петров И. В.** Государство и право древней Руси. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2003. 413 с.
10. **Российское законодательство X-XX вв.:** в 9-ти т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. тома В. Л. Янин. 430 с.
11. **Самоквасов Д. Я.** Курс истории русского права. М.: Тип. Императ. Моск. ун-та., 1908. 616 с.
12. **Свердлов М. Б.** От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юр. лит., 1988. 176 с.
13. **Сергеевич В. И.** Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. 675 с.
14. **Хачатуров Р. Л.** Уголовно-правовое содержание договоров Киевской Руси с Византией // Сов. государство и право. 1987. № 8.
15. **Юшков С. В.** Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госюриздат, 1949. 543 с.

FEUD RIGHT FORMATION HISTORIOGRAPHY AND CHRONOLOGY IN OLD RUSSIAN CRIMINAL LAW

Nataliya Nikolaevna Stupnikova

*Department of State and Law Theory and History
Voronezh State University
angelb2002@gmail.com*

The article tackles Old Russian criminal law development stages in connection with state and its organs formation. Feud phenomenon as the basic regulator of public relations in the oldest period is researched and estimated. The characteristic of criminal jurisdiction formation peculiarities, of private individuals' special role in criminal prosecution and of criminal-legal regulation methods composite nature is given.

Key words and phrases: criminal law; feud; redemptions system; Russian princes' agreements with the Greeks; Russkaya Pravda (Kievan Russia legal code).

УДК 7.03(470.21)

Статья раскрывает особенности развития изобразительного искусства Кольского Заполярья в период расцвета советской культуры. Основное внимание в работе автор акцентирует на специфике взаимодействия традиций и инноваций в региональном искусстве. Показана роль региональных и местных художников в развитии художественной культуры края.

Ключевые слова и фразы: изобразительное искусство; городская культура; Кольское Заполярье; традиции; инновации.

Анастасия Вячеславовна Федотова

*Кафедра культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики
Мурманский государственный гуманитарный университет
berkana.avf@rambler.ru*

**ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА КОЛЬСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ
В ПЕРИОД РАСЦВЕТА СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ[©]**

Значительные политические изменения второй половины 50-х годов XX века затронули все сферы общественной жизни, в том числе и художественную культуру страны, которая начала, согласно исследованиям